

Константин Станюкович

Событие

Константин Михайлович Станюкович
Событие
Серия ««Морские рассказы»»

Zmiy

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165778

*К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 10.: Правда;
Москва; 1977*

Содержание

I	4
II	8
III	11
IV	14
V	18
VI	21
VII	29
VIII	34
IX	37
X	41

Константин Михайлович Станюкович СОБЫТИЕ

I

В шестом часу дня к подъезду большого дома на Песках подъехал один из его жильцов – господин Варенцов. Это был блондин среднего роста, лет тридцати, одетый скромно, без претензий на щегольство и моду. Но все на нем было аккуратно и чистенько: и пальто, и фетр, и темно-серые перчатки.

В этот теплый августовский день Варенцов вернулся со службы не в обычном настроении проголодавшегося чиновника. Оно было приподнятое, возбужденное и слегка торжественное.

Варенцов соскочил с дрожек, вынул из портмоне две монетки, внимательно осмотрел их – те ли – и, вручая их извозчику из «ванек», не без довольной значительности в скрипучем голосе сказал:

– Я, братец, прибавил!

«Чувствуешь?» – казалось, говорили серо-голубые глаза.

Извозчик «почувствовал», но не очень от прибавки пятак. И, снимая шапку, сделал льстивое лицо и проговорил:

– Ехал, слава богу, на совесть! Еще бы прибавили пятак, барин хороший!

– Прибавил, а ты клянчишь! стыдно, братец! – возмущенным и строгим тоном произнес Варенцов и вошел в подъезд.

Пожилой, худой и грязноватый швейцар Афиноген, судя по истрепанной ливрее и замаранной фуражке, нисколько не заботившийся о своей представительности, встретил Варенцова сдержанно, тая в душе серьезное неудовольствие против жильца.

Еще бы! Платит только рубль в месяц жалованья, на рождество и пасху дает по рублю, на чай хоть бы раз гривенник, никуда не посылает и не поощряет попыток на разговор.

Афиноген, жадный на деньги и объяснявший, что копит их единственно на «предмет женитьбы», хотя и не думавший о ней, вел упорную усмирительную войну против Варенцова и его жены.

Дверная ручка их квартиры не чистилась. Письма и газеты дня по два вылеживались в швейцарской. Непокорных жильцов, возвращавшихся домой после полуночи, Афиноген не без злорадства выдерживал на морозе у подъезда минут по пяти. Гостям Варенцовых, спрашивавших: «Дома ли?» – он врал ради педагогического воздействия, по вдохновению. Ничего не действовало.

Имевший определенные и довольно мрачные воззрения на супружескую верность и семейное благополучие жильцов, Афиноген старался найти какой-нибудь козырь против Ва-

ренцовых. Но все его тайные разведки были напрасны.

И обманутый скептик и скопидом решил, что восьмой номер «очень аккуратен вокруг себя». Однако оружия не сложил, надеясь, что какая-нибудь «штука» да должна обозначиться. Тогда эти единственные непокорные жильцы в доме «войдут в понятие» и будут платить швейцару по-настоящему.

– Есть что? – спросил Варенцов.

– Почтальон только что подал! – официально-сухо ответил швейцар, подавая Варенцову повестку на заседание какого-то благотворительного общества.

– Писем нет?

– Подал бы...

Варенцов все-таки открыл ящик столика, у которого всегда дремал или читал газету швейцар. Затем взглянул на почтовый штемпель полученного конверта и, аккуратно положив в карман повестку, стал подниматься наверх.

Виктор Николаевич Варенцов жил в пятом этаже почти два года и никогда не находил, что высоко. Напротив, говорил, что наверху воздух лучше и подъемы полезны. Здоровый, с хорошо развитой грудью, он поднимался свободно, легко и ровно дыша. Но сегодня Варенцов подумал вслух: «Высоковато...»

Для кого – так и не досказал.

Он отворил двери своим ключом, бережно повесил пальто, смахнув с него паутину, положил шляпу на подзеркаль-

ный стол, сперва смахнув с него пыль, и перед зеркалом оправил свои густые, коротко остриженные, светло-русые волосы, волнистую бородку и мягкие небольшие усы.

Зеркало отразило чистенькое, пригожее лицо, свежее и румяное, дышавшее здоровьем. И весь он был чистенький в скромном пиджачке, с пестрым галстуком на высоком воротничке, стройный, крепкий и сухощавый, с белыми руками и обручальным кольцом на безымянном пальце.

Виктор Николаевич бросил взгляд на маленькую прихожую, потянул воздух красивым прямым носом и поморщился.

«Кухней пахнет, да и прихожая мала!» – решил Варенцов.

Проходя ровной неспешной походкой через гостиную, Варенцов и ее оглядел. И, словно бы заметив, что обстановка плохонькая и мебель потертая, подумал: «Не мешало бы обновить. Лина мечтает об этом!»

С этой мыслью Варенцов вошел в «уголок» Лины, как называла она часть большой спальни за драпировкой, – с мягкой, обитой светлым кретоном ¹ мебелью, зеркальным шкафом, этажеркой с книгами и несколькими фотографиями писателей на простенке над простеньким письменным столом, на котором стояли в хорошеньких рамках фотографии мужа, детей и родных.

¹ *Кретон* – плотная хлопчато-бумажная ткань из окрашенной пряжи, часто с набивным рисунком.

II

На пестрой тахте сидела, поджавши ноги, с журналом в руке молодая женщина лет под тридцать в полосатой юбке и яркой блузке.

Она была очень интересна, свежая и недурная собой, с неправильными чертами оживленного и умного лица, с роскошными, отливавшими рыжиной, каштановыми волосами, собранными на темени в пучок тяжелых кос, с красивым пышным бюстом, тонкой талией и полными сочными губами, из-под которых блестели ровные, мелкие и острые, как у мышонка, зубы.

Варенцов особенно крепко и значительно поцеловал маленькую, холеную руку с несколькими кольцами на мизинце и одиноким обручальным на безымянном.

Не поднимая с книги глаз с крупными веками и длинными ресницами, Лина слегка и небрежно потрепала щеку Варенцова и сказала:

– Иди мой руки. Сейчас велю подавать!

Ее властный, повелительный голос с красивыми низкими нотами не был особенно ласков. Молодая женщина поднялась с тахты и приятельски-равнодушно взглянула на мужа. Но в то же мгновение пристальный и острый взгляд ее блестящих и выразительных красивых глаз впился в глаза мужа. И она спросила:

– Надеюсь, никаких неприятностей, Вики?

Уже сама возбужденная необычным выражением лица Вики, не выждав его ответа, молодая женщина нетерпеливо прибавила:

– По твоим глазам вижу, что что-то случилось... Говори, Вики.

– Именно случилось, Лина... И нечто неожиданное...

– Ну... Что ж молчал?..

– Только что хотел, Линочка... Без тебя не решил... Как ты на это взглянешь... После обеда мы основательно поговорим... обсудим... А теперь в двух словах...

– Да говори же!.. Говори эти два слова! Вот мямля! – раздраженно крикнула Лина.

И в ее загоревшихся глазах блеснуло что-то высокомерное, презрительное и насмешливое.

– Дай же договорить мне, Лина. Ты не даешь... И не кричи, ради бога, на весь дом.

– Государственная тайна!?

– А все-таки пока не проболтайся.

– Разумеется... Да говори же, Вики!

Понижая голос, Варенцов несколько торжественно и в то же время смущенно проговорил, как обыкновенно говорят чистенькие люди, впервые совершающие что-то очень важное для личного своего счастья и благополучия и в то же время понимающие и еще чувствующие, что они делают и что-то предосудительное.

– Сегодня Козлов вызвал меня и предложил перейти к нему...

– К нему?.. – изумленно уронила Лина, не зная еще, радоваться или нет...

Но на всякий случай прибавила:

– Он, кажется, человек недурной.

– Да... с правилами, Лина. Ты понимаешь, как был я огорошен неожиданным предложением... Очень значительное и самостоятельное место и... приличное... Шесть тысяч жалованья и тысяча наградных... Впереди, Лина, может быть, блестящее положение... И власть и крупное содержание... Я обещал завтра утром дать Козлову ответ... Что ты думаешь, моя умница?

III

«Умница» вспыхнула, охваченная радостью.

«Кто бы мог ожидать?.. И такое место!» – подумала в первую минуту Лина.

Но в следующее мгновение Вики уже вырос в ее глазах и словно бы сделался героем. Ее любовь к нему как будто осветилась в новом сиянии нежного и поэтического ореола, и Лина почувствовала, что раньше недостаточно ценила и его и его любовь до обожания. Но зато какая она безупречная жена. Не то что другие.

Лина не без горделивой радости вспомнила, что за семь лет супружества она не только ни разу не изменила Вики, но у нее нет на совести даже серьезного флирта... А случаи были, когда Вики уезжал на два месяца.

И молодая женщина чувствует себя в эту минуту счастливой. И оттого, что она такая хорошая женщина, и оттого, что Вики – маленькая звезда и будет большой, и все еще такой влюбленный красавец муж, слушающий ее советы, и оттого, что впереди новая обеспеченная жизнь...

«О, как будет хорошо!» – хотелось ей крикнуть. И в ее голове пролетали быстрые, меняющиеся в сочетаниях, как в калейдоскопе, картины новой жизни, без лишений, мелких забот и грошовых расчетов, без писания рассказов ради гонорара и несправедливых и унижительных отказов пе-

чатать их в журналах. Изящный комфорт, уют квартиры, поездка за границу, англичанка для мальчиков, элегантные костюмы, эстетические удовольствия, новые впечатления, новые знакомства, капот как у Балетта на сцене, «уголок», в котором напишется новый талантливый рассказ, завистливые лица приятельниц, прелесть мирного очага, влюбленный Вики, батистовые рубашки с кружевными кокетками, деятельное участие в «Защите детей», реферат о нем, общий восторг, знакомство с выдающимися артистами и литераторами, хорошенькая дача, заново отделанная спальня с пушистым ковром во всю комнату, качающимися роскошными кроватями, электричеством и с ванной рядом, прогулки пешком, думы и размышления, чтение серьезных книг, библиотека, хорошие переплеты... «О чем Вики задумывается? Мог бы сегодня дать согласие!»

Но вдруг на радостное лицо Лины набежало облачко... Она вспомнила, что и Вики и она с либеральными взглядами и из недовольных, и Вики, когда был еще гимназистом, пострадал в заключении, как Лина хвастала, называя заключением недельный арест Вики в части. Вики осторожнее, а Лина решительней, но оба порицали беспринципных людей, которые ради земных благ шли на всякие компромиссы. Вики женихом и в первые годы часто и обстоятельно говорил, что реформы необходимы и что закон, какой бы он ни был, должен строго соблюдаться... И Лина повторяла его слова и даже шла дальше, требуя на журфиксах изменения зако-

нов, – ведь она была из радикальной семьи: покойный отец был профессор, уволенный за строптивость, а покойная мать сама сделалась стропливой из любви к отцу...

Все это пронеслось в голове Лины, и она подумала, что недаром же Вики называл свою службу «чистенькой» и говорил ей, что все же можно не очень поступаться независимостью «чистенького» человека и не сознавать себя пешкой. И Лина, хотя и жаловалась, что Вики мало получал, и делала ему сцены, но на журфиксах фрондировала вместе с недовольными и гордилась, что Вики принципиальный человек. Оттого такому идеальному работнику и не дают хода... Держат на трех тысячах, а бедный засиживается до поздней ночи...

Но мало ли что говорится? Взгляды меняются. Нищие прав... Надо себя любить. Надо о детях подумать.

Теперь Лине кажется, что многие прежние взгляды были непродуманными.

И она трусит... А что, если Вики...

Но Лина быстро соображает, что Вики не откажется от счастья. Надо только поощрить и успокоить Вики...

Это – долг любящей жены.

IV

– Что я думаю, милый?

И голос и глаза Лины ласкали.

– Да, Линочка...

– Я уверена, что ты и на новом месте останешься честным и независимым человеком.

– Надеюсь, Лина. А все-таки...

– Но, Вики! – порывисто воскликнула Лина, перебивая Вики. – Ведь если тебе не понравится... твоя чуткая совесть возбудится, ты можешь уйти...

– Разумеется, ушел бы...

– И без места не останешься... Такого умницу и работника везде примут... Об этом нечего и беспокоиться, Вики...

– Пожалуй, что так...

– И не забудь одного, милый! – проговорила Лина с такой серьезной проникновенностью и горячностью, словно бы то «одно», что скажет Лина, – главный и важнейший аргумент.

– Чего, голубчик?

– Разумеется, милый, твоя княжая воля, как решить. Семья не должна повлиять на твое решение, милый... Разве я не люблю тебя?.. Но если ты откажешься, вместо тебя может попасть какой-нибудь беспринципный человек, вроде: «Чего изволите». Мало ли таких? А ведь ты, Вики... Ты... Сколько можешь сделать добра. Сколькому злу помешать... Ведь

правда, милый?

Взволнованная своими же словами, которым, пожалуй, Лина и верила в эту минуту, она не без трогательной восторженности глядела на человека, которому предстоит такая высокая миссия, и с лживой наивностью «умницы» воскликнула:

– И знаешь ли, милый, что меня особенно радует в этом предложении?

Влюбленный Вики не знал, хотя и догадывался, и сказал:

– Говори, Линочка.

– Разумеется, очень важно, если бы мы были покойнее за будущность наших мальчиков, не знали бы тревог и глупых волнений из-за каких-нибудь десятка рублей и свили бы с тобой, Вики, хорошенькое, уютное гнездышко... Ты ради нас не урезывал бы себя во всем... Шубы даже не можешь сшить... На извозчика стесняешься... Я не могу сшить хотя одного приличного платья... Летом могли бы отдохнуть в Швейцарии... Одним словом... Всем было бы отлично. Но живем же до сих пор... И я серьезно никогда не жаловалась... Я рада, что тебя, Вики, поняли... оценили... Значит, нужны же самостоятельные, независимые люди... Ведь нужны... Умница ты, мой милый! – закончила Лина.

И она порывисто притянула к себе Вики и поцеловала его в губы, что было совсем неожиданно трогательно со стороны молодой женщины.

Вики был умилен. Еще бы! Обыкновенно Алина Дмит-

риевна горячо целовала и называла Вики «милым» только в свое время. В другое – она была очень сдержанна даже в ласковых кличках и, напротив, расточительна в пренебрежительных и насмешливых и нередко обращалась со своим влюбленным верноподданным небрежно, нетерпеливо и резко, словно деспотическая владычица...

Хоть Варенцов знал, что никакой независимости у него не будет, ему все-таки хотелось не разуверять жену. И тоже хотелось скрыть от жены то, что и она знала и ради чего сама лгала.

И Варенцов сказал:

– Я рад, Лина, что наши мысли сошлись. Мне тоже кажется, что отказываться не следует...

– Умница! – воскликнула Лина.

И, радостная и восторженная, расцеловала голову, щеки и губы Вики.

– Ты права. Если увижу, что не могу ужиться, – немедленно уйду.

– Еще бы!

– И знаешь ли, к какому печальному взгляду я пришел, Лина?.. Ведь, собственно говоря, везде одно и то же. А теперь... Накорми, моя любимая... Я голоден...

– Иду, велю подавать... Обед по твоему вкусу, Вики... После обеда чай здесь... Расскажи, как все это случилось... Вечер дома... И не будем засиживаться... Да, милый?

И, торжествующая и веселая, с высокой и стройной, хо-

рошо сложенной фигурой, с приподнятой головой, Алина Дмитриевна вышла из спальни решительной, энергической походкой, слегка повиливая широкими бедрами, плотно обтянутыми пестрой юбкой.

V

Минут через пять, вымыв руки и освежив лицо цветочным одеколоном, Варенцов вошел в маленькую столовую и имел какой-то особенный вид не то именинника, не то юбиляра, торжественно-праздничный и наивно-растерянный.

Чистенькое, румяное лицо, казалось, было налакировано каким-то особенным сиянием. Высокий воротничок, повязанный пестрым галстуком, точно немножко стеснял длинноватую шею и лишал голову более свободных движений. Пиджачок казался как-то параднее, приглаженные волосы – прилизаннее. Словом, все и в Вики и на Вики словно бы говорило – не крикливо, а скромно – о большом событии.

Варенцов особенно продолжительно, значительно и крепко поцеловал Витю и Коку, погодков шести и пяти лет, словно бы приобщал их к своему и к их счастью, и все-таки осмотрел, вымыты ли их руки перед обедом.

Но мальчики, оба здоровые, хорошенькие и курчавые, кажется, были несколько удивлены такой экстраординарной продолжительностью ласки. И Кока уже собирался зареветь, если бы мать не пришла к нему на помощь.

Затем Вики пожал руку молодой круглолицей бонне-курляндке, маленькой, кругленькой девушке с добрым и веселым белобрысым лицом.

Все сели.

Сегодня Лина с большим интересом следила за Вики, чтобы узнать, с удовольствием ли ест Вики. И даже волновалась.

И Лина была довольна, что Вики с удовольствием съел суп и кусок тетерьки, выбранной женой с особым вниманием, и брусничное варенье.

– Еще кусочек, Вики?

Но Вики отказался.

Он ведь воздержан в пище. Он читал, и врачи говорили, что гораздо гигиеничнее не наедаться.

Лина не настаивала.

Она знала, что Вики с правилами. Ни водки, ни вина не пил. Курил прежде, но бросил. Цветущий и здоровый, он словно бы застраховывал свое здоровье, много гулял, занимался гимнастикой и вообще имел серьезный уход за телом. И Лина только восхищалась силе характера Вики.

Вкусный кусочек она положила себе, положила по куску детям и с милой любезностью предложила бонне ребра, не сомневаясь, конечно, что бонна особенно любит кости, предпочитая их мясу.

Остался доволен Вики и компотом и рассказал Лине о неблагодарном извозчике.

Как только Вики окончил, Лина торопливо поднялась. По обыкновению, Вики поцеловал руку жене.

– Доволен, милый, обедом?

– Отличный... Ты и хозяйка, Лина!..

– Тебе какого варенья? Любишь персики?

Вики объявил, что персики.

– Аксинья! Чай и банку с персиками ко мне! Фрейлен! В восемь уложите детей. Сегодня я их не буду укладывать.

Лина расцеловала детей и подхватила Вики под руку.

Оба раскрасневшиеся, словно бы охмелевшие от счастья, они пошли через прихожую, коридор и гостиную в уголок Лины.

Дорогой она успела спросить мнения Вики о перемене квартиры, о новой обстановке, англичанке, о белье, приличном костюме и простеньком капоте.

– А то совсем обносилась, милый...

– Три месяца будем получать по-старому...

– Зайдем. Уплатим с рассрочкой...

И, точно Вики вперед знал, что ему не придется поступаться независимостью на новом месте, он согласился, что надо им подготовиться.

– И тебе необходимы фрак, осеннее пальто, ночные рубашки, Вики...

– Купим, Линочка... Купим все, что нужно, милая.

И в голосе Вики звучала самодовольная нота.

Лина устала от корсета и пошла переодеться в капот.

Через минуту-другую она уселась на тахте около Вики и сказала:

– Ну, так рассказывай, милый!

VI

В эти минуты Варенцов был в том редком настроении, когда жизнь показалась ему необыкновенно хорошей, приятной и содержательной.

Еще бы! У него неожиданно блестящее положение и материальное благополучие. Впереди – надежда на серьезную карьеру сановника с добрыми намерениями: не отступать от закона и кое-что сделать для отечества. Властная, привыкшая повелевать, любимая жена восторженно признала в муже выдающиеся способности недюжинного человека. Сдержанная прежде в проявлениях дружбы и сочувствия и порой нетерпеливая и резкая, Лина обнаружила силу привязанности родственной ему души. Отныне он не только желанный муж, но и умница друг.

И Варенцов чувствовал себя счастливым и благодарным победителем...

Убежденный, что теперь Лина уже не станет нетерпеливо слушать и перебивать его, Варенцов не спеша, основательно, подробно и не без самодовольной значительности рассказывал о свидании с Козловым, останавливаясь по временам, чтобы отведать варенья и отхлебнуть чая.

– И ведь всего пять минут этого серьезного свидания. Понимаешь, Лина, пять минут! – заключил рассказ Варенцов.

– Пять!?! – восхитилась Лина.

– Ровно пять! Я заметил по часам, когда входил в кабинет и вышел из него. Козлов много работает и произвел на меня впечатление очень умного человека. Репутация его подтвердилась. И так коротко, ясно и категорически: «Нам нужны дельные и способные работники. Моя программа: закон всегда и везде!»

– А что же о нем говорят как о ретрограде? Ах, Вики, как часто у нас клеветают на людей! – не без сокрушения промолвила Лина и даже вздохнула.

– У нас много врут, особенно на сколько-нибудь заметных людей! – подтвердил и Варенцов.

И с апломбом прибавил:

– Надо сперва войти в положение. Тогда и брани, если только брань даст облегчение... Конечно, есть люди несерьезные, неталантливые и без всякого руководящего плана, но есть и даровитые и небеспринципные. Огульно бранить чиновников несправедливо.

– Именно, надо войти в положение... Это ты прелестно сказал, голубчик! А то все сплетни и сплетни! – негодуяще сказала Лина, забывшая, какая она отличная сплетница.

Варенцов счел нужным повторить – и уж с большей уверенностью в тоне – те же доводы в пользу своего решения, которые перед обедом так убедительно приводила жена. И в третий раз сказал, что, разумеется, уйдет, если от него потребуют серьезного компромисса.

– Да разве ты мог бы оставаться, Вики!

«Да и к чему не оставаться!» – подумала жена.

Ни у нее, ни у мужа не хватило, разумеется, храбрости сознаться в том, что обоих заставляло обманывать и себя и друг друга и что привело их в идиллическое настроение.

И Варенцов сказал:

– А разве ты не похвалила бы своего мужа?

– А разве ты не знаешь своей Лины?

– То-то, знаю, какая ты у меня прелесть!

И растроганный Вики не вовремя крепко поцеловал глаза Лины.

Она не нашла, что это «сентиментальности», и подставила губы.

А Вики, не злоупотребляя новыми правами, продолжал:

– Впрочем, новое мое место такое, что не предвидится конфликтов. Да мне и не предложили бы щекотливого положения, Лина!

– Смели бы!

– Для некоторых положений все-таки нужны люди с очень крепкими нервами и исполнители того, что иногда даже сами считают вредным, бессмысленным и не вполне законным. А я, милая, не буду лишь исполнителем. Я буду в стороне от всякой щекотливой политики... Оттого-то я и принимаю назначение.

– Оттого-то тебе и не придется раскаиваться!

Обрадованная, что можно поговорить о самом главном и интересном, что составляет в новом назначении, Лина заго-

ворила нежным, заботливым и слегка заискивающим тоном женщины, имеющей дело хоть и с влюбленным, но очень экономным мужем.

– И как у нас будет хорошо, Вики!.. Так хорошо, хорошо!.. Так мило, мило!.. Разумеется, просто, но со вкусом... Я буду заботиться, чтобы тебе, голубчику, было покойно, уютно, светло. Вернешься со службы, и дом будет действительно отдыхом. Кормить буду я тебя куда вкуснее. Конечно, кабинет тебе нужен побольше, не такая каморка, как здесь. Отоманку, два кресла, библиотечный шкаф... Одним словом, кабинет... Обновим спальню... Мне кажется, пушистый ковер, новые кровати с волосяными матрацами, а то эти такие жесткие. Сделаем настоящее гнездышко... Не правда ли, милый?.. Мой «уголок» отделим японскими ширмами, а наша кретоновая перегородка – только пыль и негигиенично... И душно нам спать... И новую мебель в гостиную... Старую продадим... Не правда ли, Вики?.. Ведь необходимо?.. Завтра же скажу дворнику, что здесь не остаемся... Через месяц контракт. И начну искать квартиру... И ты решишь, если понравится...

– Да, Лина, надо побольше квартиру. И вообще устроиться... Ты сумеешь все сделать недорого.

– Еще бы. Не бойся, не разорю тебя, голубчика!

Оживленная и счастливая, молодая женщина вошла в подробности о том, как они устроятся и будут «мило» жить... С такими деньгами, какие они будут получать, можно пре-

лестно устроиться. И за границу поедут.

– Ты повезешь, милый? – вкрадчиво-нежно спросила Лина, прижимаясь к мужу, и, заглядывая в его глаза, ласкала своими просительными глазами.

Варенцов сказал, что повезет Лину, если дадут отпуск, и одобрил все ее планы.

– И будем каждый год немного откладывать, Лина! – прибавил он.

– Само собой разумеется, со второго года, как покроем заем. Ведь мы не будем делать приемов, Вики... К чему?

– Конечно... Зачем приемы?

– Разве только скромные журфиксы, без ужина, без вина. Чай и бутерброды. Правда? Пусть будет один вечер для знакомых.

Варенцов не отвечал.

Его идиллическое настроение подернулось легкой дымкой.

И с необычной порывистостью вдруг сказал:

– Линочка! Одна ты друг... Одна... И понимаешь меня и сочувствуешь...

Варенцов благодарными и умиленными глазами смотрел на жену.

– Милый!..

Лина обняла мужа и сказала:

– Если не хочешь журфиксов... Бог с ними!

– Отчего же... А если некоторые знакомые – друзей у ме-

ня нет – станут за глаза бранить. Пусть бранят... Это меня не огорчит.

– Еще бы огорчаться! Плюнуть, и все!

– Не объясняться же!

– И молодец, Вики...

Лина внезапно загорелась при мысли, что знакомые будут бранить мужа и ее. Наверно, ее. И теперь говорят, что Вики под ее влиянием.

И, негодующая, не без презрения воскликнула:

– Это кто же осмелится тебя бранить, кто?

– Многие, Лина! И не стоит волноваться...

– Не твои ли сослуживцы: Никольский, Обращевич и Иванов? Если и будут шипеть, то из зависти... Им не предложили. Или толстяк Николаев? Хорош!? Нахватывает из двух правлений пятнадцать тысяч и говорит, что независимый и принципиальный враг казенной службы. Уж не Наумов ли? Еще бы. Этот наверно будет тебя ругать. Нигде не умеет работать. Лентяй. Нигде не уживается и воображает, что страдает из-за независимых взглядов. Пусть и не является... Знает, что ты не возьмешь его к себе. А то с восторгом пошел бы... Или дура Недлинная, которая воображает, что она талант оттого, что печатают ее глупые повести из-за того, что лебезит перед редакторами. Или кузиночка Вава? Дурища! А тоже: непонятая натура, считает, что обворожительна... Еще бы, как таким нашим знакомым не бранить человека, который умнее их и думает и живет не по шаблону. Разве

они понимают тебя? Поверь, Вики, они все будут к нам ездить... И пусть! Пусть злятся, что мы любим друг друга и хорошо живем.

Варенцов знал, что Лина «увлекается», когда говорит про знакомых. Теперь ему было очень приятно слушать злословие Лины. Ему казалось, что действительно многие знакомые его не понимают...

С презрительным злорадством верной и любящей жены, свято исполняющей долг, Лина стала сплетничать про знакомых дам и приятельниц, обманывающих мужей и имеющих любовников.

Она с таким страстным увлечением рассказывала подробности чужих любовных отношений, словно бы сама присутствовала при интимных свиданиях любовников и словно бы сама смаковала этими подробностями, созданными ее пылкой фантазией.

«Вот какие жены, и какая я!» – говорило, казалось, все это злословие.

Вики только возмущался, что кузиночки Вава и Лина и все эти знакомые дамы такие бесстыдные и бессовестные и мужья такие слепые или подлые, безмолвно признавшие «*menage a trois*»².

И Варенцов, казалось, еще более ценил свой «*menage*»³ и думал:

² «Сожительство втроем» (франц.)

³ «Супружескую жизнь» (франц.)

«Какая Лина чудная, и какой он безукоризненный, любящий муж».

– Да... Мы счастливы, Лина! – почти что умиленно произнес он.

И скоро они пошли в столовую пить чай.

VII

Когда Лина подала мужу стакан, она сказала:

– Ну, разумеется, твой отец будет недоволен...

– Еще бы!

– Ты извини, Вики. Он просто обозленный, бессердечный циник... Какой он отец!.. Разве ты ему близок? Только иронизирует и хихикает раз в неделю, когда обедает. Он ведь воображает, что только он умен и все понимает... Наверное, скажет мне какую-нибудь гадость.

– Тебе-то за что?

– За то, что вообразит, будто ты из-за меня переменяешь службу...

– Нет, Лина... Он знает меня. И сделает мне настоящий бенефис...

– Не обращай внимания. Точно не знаешь своего родителя... На старости юбочник... Бегаёт за всякой... Воображает, что может иметь успех... Один срам... И еще смеет читать тебе нотации.

– Промотал состояние; в шестьдесят лет ни положения, ни средств. По уши «в долгах и проблематические заработки. Легкомысленный и беспутный человек! – не без снисходительного сожаления проговорил Варенцов.

– Но, Вики... Ты не волнуйся и не спорь с ним, если он устроит тебе бенефис. Он – все-таки отец. Не раздражай его.

А я куплю к обеду хорошего красного вина. Он и отойдет...

– Разумеется, спорить с ним не буду... Бесплезно...

И прибавил:

– Недурное вино можно иметь и за рубль, Лина.

Лина нашла, что за рубль отличное, и спросила:

– Верно, твой отец еще не вернулся?

– Штается где-нибудь за границей.

– На какие же это деньги?

– Какой-нибудь учебник продал и, конечно, за бесценок...

Но, кажется, получил тысячу. А вернется – без гроша.

– Ты, Вики, предложи ему... немного денег... Это его тронет... Так, рублей пятьдесят...

– Не возьмет. И без меня вывернется... Точно не знаешь фатера, Лина. Верно, мы скоро его увидим и, конечно, в модном сюте ⁴, – с улыбкой проговорил Варенцов.

– И опять поселится в какой-нибудь меблированной комнате... Несчастный!

– Да, Лина... А ведь мог бы быть попечителем округа... Во всяком случае, получал бы три тысячи пенсии, если бы не легкомыслие – этот эффектный выход из университета!.. И сам виноват. Сам! – сентенциозно, с серьезным видом прибавил Варенцов и словно бы аккуратно занумеровал свою беспристрастную, вполне законную резолюцию, приканчивая ею дело о беспутном отце, ех-профессоре ⁵ Николае Пет-

⁴ Сюг – костюм (англ.).

⁵ Бывшем (лат.)

ровиче.

Лина еще строже подтвердила:

– Конечно, сам виноват.

И о беспутном отце больше не говорили.

Варенцов, единственный сын, когда-то очень любимый отцом, все-таки испытывал чувство смущения и трусости при мысли о встрече с «фатером», которого высокомерно считал легкомысленным, а себя – необыкновенно последовательным и основательным человеком.

Но эти неприятные ощущения скоро прошли. Лина снова заговорила о дальнейших предположениях будущего устройства. И снова перечисляла все, что следовало бы купить, без чего нельзя обойтись и что можно пока не покупать.

– Как думаешь, милый? – спрашивала Лина.

Противоречий почти не было. Вики был в щедром настроении, и Лина старалась им воспользоваться.

– Пойдем-ка, Вики, и запишем, что нужно купить...

Супруги пошли в «уголок».

Лина распустила свои роскошные волосы, присела к письменному столику и стала набрасывать примерную смету расходов.

Варенцов ходил по комнате и по временам останавливался перед Линой я спрашивал:

– Ну, сколько, Лина?

– Подожди, милый... Подожди...

Когда Лина подвела итог, он так превысил цифру предпо-

ложенного займа, что Лина не хотела показать этой цифры мужу и должна была уменьшить цены на многие предметы.

Но все-таки тысячи рублей мало.

И Лина озабоченно проговорила:

– Придется многого не покупать или покупать дрянь...

А по-моему, порядочные вещи выгоднее. Не правда ли, Ви-ки?..

– Конечно...

– Так я многое исключу... Кабинет тебе необходим...

Гостиную переменим... «Гнездышко» оставим, как оно те-перь... Белье себе, два платья и капот – не сделаю... Толь-ко одно простенькое. И в этом капоте похожу. Ведь не очень затаскан, Вики?

Варенцов был тронут деликатностью Лины.

Он горячо протестовал против такого сокращения. Лина должна сделать для себя все, что назначила.

– Лучше повременим с новой гостиной, Лина.

– Так ты хочешь, чтобы тебе больше нравилась порядочно одетая жена? – с шутливым кокетством проговорила Лина. – Изволь, Вики! Сделаю два платья и капот у хорошей портни-хи и закажу белье... Я, право, обносилась... Какой хочешь капот?.. Красный идет?

– Очень... Тебе идут капоты...

– Так сделаю красный... И прикажешь, чтобы я сдела-ла из нашей спальни хорошенькое гнездышко? Разумеется, устрою. И не будет дорого. А с гостиной подождем? Очень

уж она у нас скверная... Впрочем, как хочешь...

Но Лина не хотела об этом и думать.

«Без гостиной какая же будет уютная квартира!» – подумала молодая женщина и про себя решила, что будет и новая гостиная.

– Ой, ой! Уж двенадцать! – воскликнула Лина, взглянув на свои маленькие часы на письменном столе. – Нам рано вставать. Завтра еще наговоримся, а теперь не угодно ли, Вики, спать...

Она поднялась и потянулась.

– Спать хочется.

И Лина взглянула на Вики значительным, серьезным и словно бы застланным взглядом, прильнула к его губам и, заалевшая, отводя губы, сказала:

– А знаешь ли что, Вики?

– Что, красавица?

– Не зайдем ли лучше две тысячи и сразу устроимся? Дядя Вася даст в долг с рассрочкой... Он любит тебя и не откажет. Я сама его попрошу... Не правда ли, милый? У него ведь есть деньги, хоть он и скрывает. И какое нам дело, откуда они?.. Ну, иди, ложись. А я только завьюсь – и спать!

VIII

На следующее утро Варенцов поехал во фраке к Козлову, а Лина в черном стареньком платье поехала на Васильевский Остров к дяде Васе.

Дядя Вася был второй брат ех-профессора Варенцова, действительный статский советник, член совета министра, получающий очень скромное жалование. Но он не жаловался на судьбу и обиженным себя не называл, хотя иногда и говорил, что нынче престиж дворянства падает.

Старый холостяк, Василий Петрович Варенцов был, как и любимый им племянник Вики, аккуратный и чистенький, всегда сдержанный, вежливый и любезный. Дядя признавал родственные чувства и очень ценил внимание к себе, особенно тех племянниц и племянников, которые не жаловались ему на свои скверные денежные дела.

Более солидных родственников он изредка навещал и всегда приносил фунт конфет в рубль, дешевые фрукты или скверную бутылку вина и на праздники дарил грошовые сувениры, выражая сожаление, что лучших дать не в состоянии: жалование у него маленькое.

И дядя Вася по этому поводу любил говорить о долге каждого честного человека жить по средствам и быть очень аккуратным в денежных делах и затем часто распространялся о благородных чувствах. После обеда даже говорил со «сле-

зой» о несчастном брате Николае и жаловался, что брат точно отшатнулся от него. Никогда не заедет. Точно он чужой.

Хотя дядя Вася и часто подчеркивал, что он едва сводит концы с концами, тем не менее многие подозревали, что у него есть деньги, и не маленькие, и что он, несмотря на свои благородные разговоры, был ростовщик.

По крайней мере многие приезжавшие к дяде Васе рано утром могли видеть Аронсона, молодого еврея с умным лицом, который тотчас же исчезал. Многие знали, что Аронсон давал деньги под проценты, и, конечно, не все догадывались, что он был подставным лицом и за действительного статского советника рисковал ссылкой.

А Лина из верного источника узнала, что у дяди Васи есть деньги. Этим верным источником была Иренья, экономка, жившая у дяди Васи лет десять, еще свежая и пригожая женщина лет за тридцать, опрятная, чисто одетая, с пышной грудью, широкими бедрами и добрыми ласковыми глазами.

Лина обворожила Иренью, прежнюю горничную, и приветливостью и маленькими подарками. И однажды, как-то ловко допрошенная Варенцовой, Иренья по секрету сообщила доброй барыне, что у барина наверное есть большой капитал, который он по своей скупости «не оказывает».

– А жид прежде каждое утро ходил, а года два уж не ходит.

«И хорошо, что не приходит!» – подумала Лина, имевшая понятие о новом законе против ростовщичества. И, словно бы не понимая роли Иреньи, просила ее по-прежнему беречь

одинокого дядю Васю.

Дядя Вася, казалось, особенно был расположен к племяннику Виктору и его жене. Они были основательно аккуратные люди, долгов не делали, живут дружно, внимательны к дяде, не имеют скверных подозрений насчет привычки старого человека к экономке и ни разу не просили денег.

IX

– Можно, дядя? – веселым, ласковым голосом спросила Лина, постучавши в двери.

И, не выждавши ответа, она вошла в большой, светлый кабинет и, приблизившись к письменному столу, поцеловалась с маленьким, чистеньким, круглолицым и слегка надушенным дядей Васей в коротком пиджачке и с ярким галстуком.

– И какой же ты молодец, дядя! – сказала Лина тот словно бы невольно сорвавшийся искренний комплимент, который так радует молодящихся стариков второй молодости.

Действительно, дядя Вася казался моложе своих лет, которые он скрывал и говорил, что ему пятьдесят два. Отливавшее румянцем лицо с гладко выбритыми пухлыми щеками и подбородком, с накрашенными маленькими усами над крупными губами и слегка выпученными молодыми глазами. Маленькая фигура крепкая и плотная. Круглая черноволосая с сединой голова, коротко остриженная. Руки холеные с брильянтом на мизинце.

– Садись, очень рад тебя видеть. Ничего, слава богу, не смею жаловаться... Чем угощать дорогую гостью? – слегка певуче и ласково говорил дядя Вася и придавил у стола пуговку электрического звонка.

– Ничем, голубчик-дядя... Ничего не надо! Здравствуйте, Иренья! – приветливо ответила Лина на поклон экономки.

– Кофе, шоколаду?.. Иренья отлично варит.

– Знаю... Мастерница!.. Я только что пила, дядя...

И когда экономка ушла, Лина прибавила:

– Какая славная у тебя эта Иренья. Вежливая, аккуратная... Какой у тебя везде порядок...

– Да, Линочка, честная и добросовестная... И преданный человек...

– А я ведь к тебе так рано, дядя, чтобы первому сообщить радостную весть. Вики получил блестящее положение... Семь тысяч...

Дядя Вася был умилен.

– Такое место... И семь тысяч?! – воскликнул Василий Петрович, теряя обычную сдержанность.

И затем спросил:

– Кто это устроил Виктору?.. Чья протекция?

– Ничья!

– Да что ты говоришь, Линочка! Конечно, Виктор умница и отличный работник... Но разве без протекции возможно получить такое место?.. Ты этого, верно, не знаешь...

– Но право же, дядя... Вики сам удивился... Верно, Козлов узнал от прежнего начальника Вики... И как это неожиданно устроилось, дядя... Сам Козлов вчера позвал по телефону Вики и предложил.

И Лина с увлечением повторила рассказ мужа об его свидании.

Василий Петрович внимал с таким восторгом, как будто

сам он внезапно получил блестящее предложение. И изредка восклицал:

– Умница Виктор... Такое место... И впереди...

– Что впереди, дядя?

– Товарищ министра... Непременно...

– Я знала, что ты будешь рад за Вики... Милый дядя!.. Но ты понимаешь, что новое положение обязывает...

– Именно обязывает...

– Нужна новая квартира... Освежить обстановку... Вики нужен кабинет... Мне одеться... Разумеется, никакой роскоши... Но все-таки... Не правда ли, дядя?

– Ты умница, Лина... Умница...

– И как мне неприятно делать долг... А мы с Вики решились на это... Ведь не на пустяки... Хотим занять с рассрочкой и, конечно, за небольшие проценты, чтобы устроиться прилично...

– И много хотите занять?

– Две тысячи, дядя... Меньше не обойтись... мы уж составили смету...

Василий Петрович вдруг стал серьезен, и, казалось, в душе его происходила борьба. Но он вспомнил, что племянник Вики, во всяком случае, получит как его наследник десять тысяч, и такое место... И оба они всегда внимательны и никогда не просили денег.

– Такие деньги и у меня найдутся, Линочка... Недавно на выигрышный билет выиграл... Я сам вам дам их взаймы...

И, словно бы сам растроганный своим вниманием, прибавил:

– И с рассрочкой, и за самые маленькие проценты... Я рад помочь хорошим людям...

– Дорогой, милый, благодарю...

И Лина поцеловала дядю Васю.

Василий Петрович написал чек, выдал его Лине и попросил ее написать расписку.

– Скажи, чтобы Виктор подписал... Понимаешь, для памяти... Я завтра же приду поздравить Витю. А тебя, красавицу, позволь поздравить сейчас!

И дядя Вася крепко поцеловал Лину в губы.

Х

После двух месяцев посещения Варенцовой магазинов и хлопот по устройству новой квартиры в третьем этаже большого дома на Кирочной Лина наконец успокоилась, прикончив все убранство.

Все ей казалось необыкновенно «мило» и не так, как у других.

И Лина с горделивым чувством удовлетворенности любовалась шестью комнатами, особенно гостиной с новой голубой мебелью, трельяжами, цветами, зеркалом и высокой лампой с огромным шелковым абажуром и «гнездышком» – большой комнатой с пушистым ковром, с хорошеньким письменным столом, новыми рамками фотографий и шелковыми низенькими ширмами, закрывающими роскошные кровати с белыми кружевными покрывками, и с фонариком на середине потолка, льющим по вечерам томный свет.

Она заглядывала и в светлую, чистую кухню, на полках которой сверкали расставленные медные кастрюли, сковородки и другая нужная посуда.

Новая бонна-англичанка (из петербургских, впрочем, англичанок) казалась Лине вполне приличной и порядочно одевавшейся. Довольна была Варенцова и кухаркой за повара, и новой горничной, которой было велено ходить в белом чепце и белом фартуке.

И молодая женщина испытывала удовольствие благополучия и обеспеченности и приятной уверенности в том, что более сохранит свою красоту при средствах и в «красивой рамке». Она считала себя еще более властной и сильной оттого, что стала еще интереснее и привлекательнее и могла дольше поддерживать влюбленность Вики заботой о холе своего тела, всегда хорошо одетая и особенно когда по вечерам надевает свой новый ослепительный красный капот с прозрачной кружевной шемизеткой и с широкими рукавами, из-под которых оголялись красивые полные руки.

Лина показывала мужу убранство квартиры, обращая его внимание на все мелочи, и спрашивала Вики:

– Не правда ли, уютно, Вики? Не правда ли, мило? И, право, мы устроились недорого. Зато сколько я торговалась, сколько я хлопотала, Вики, чтобы обошлось нам дешевле!..

Варенцов находил, что все мило и со вкусом. Разумеется, вошли в долги. Он не любил долгов, но...

– Но долг не должен нас беспокоить... Дядя Вася предложил так мило. Он понял, что в нашем новом положении следовало жить прилично, и всего по сту рублей в месяц... Незаметно уплатим.

Со службы Варенцов приезжал в шесть часов, и уже теперь обед был всегда готов и Лина была дома к обеду, зная, что Вики был бы недоволен, если бы ему пришлось дома дожидаться или обедать без жены.

Возвращался Варенцов довольный и не раз говорил, что

на службе все идет хорошо и что Козлов доволен его работой. Но, разумеется, приходится много работать, и он не боится работы.

Хотя Вики теперь и имел в глазах жены большую значительность, чем прежде, и она была более внимательна и ласкова с ним, но, когда все «устроилось», первый порыв радости «события» прошел и Вики, разумеется, и не думал больше говорить о щекотливости компромиссов, – разговоры Вики стали казаться Лине по-прежнему скучноватыми, особенно когда он «тянул», рассказывая о своих служебных делах или философствуя насчет необходимости и бережливости «вообще».

Лина уже не показывала скуки от этих *tete-a-tete*⁶, как и прежде, да и Вики, казалось, понемногу входил в роль равноправного супруга и господина, понимающего, что он создал благополучие, но – звали в театр или на журфикс к знакомым, более подходящим к новому их положению и, если Вики должен был заниматься, – Лина уезжала одна, упрасывая приехать за ней попозже.

Пришлось им познакомиться и с несколькими из новых сослуживцев. Они казались несколько однообразными с их разговорами – преимущественно служебными слухами и сплетнями, более или менее банальным злословием про другие ведомства и про их начальников и повторением газетных известий о театре и каком-нибудь скандале. И общий тон от-

⁶ Разговоров наедине (*франц.*)

зывался большим индифферентизмом к какому-нибудь интересному вопросу или к какому-нибудь явлению, действующему на нервы. Точно все на свете малоинтересно, кроме того, что делается в департаменте, а если в обществе о чем-нибудь и «болтают», – преувеличенно обвиняя правительственных агентов и находя недостаточно современными наши устои, – то этой болтовней занимаются неосновательные люди без положения или молодые люди, которых сбивают разные мерзавцы. Пусть-ка болтуны посмотрят, что делается теперь в Англии.

Все это были максимы, не подлежащие сомнению.

И Варенцовы, еще недавно часто водившие другие разговоры, должны были отмалчиваться или даже и поддакивать.

Посещали Варенцовых и прежние знакомые, поздравляли их не без завистливого чувства к счастливцам и, конечно, надеялись, что такой умный и либеральный человек, как Виктор Николаевич, сделает на новом месте много хорошего.

Однако два-три прежних знакомых перестали заглядывать к Варенцовым, и Лину это злило, хотя она и успокаивала себя тем, что эти господа не ходят из зависти.

«Ну, положим, Наумов и Иванов не могут простить Вике, что он получил блестящее назначение... А Биркин?..»

Ей нравился этот живой и интересный брюнет лет сорока, служивший после многих житейских невзгод в каком-то правлении, который, казалось ей, любил заходить к ним и особенно горячо говорил с нею о литературе, о жгучих

злобах, об этике и часто приносил ей подписные листы на какие-нибудь благотворительные дела... Он, по-видимому, неравнодушен к ней, и не был узким прямолинейным ригористом, был умен, казалось, терпим к чужим мнениям и не стеснялся в знакомствах хотя бы и с людьми, как он говорил, иной веры.

И этот Биркин вдруг исчез...

Это особенно злило Лину. Ей хотелось, чтобы он мог ее видеть в ее простеньком домашнем платье или в ослепительном капоте. Биркин был таким близким знакомым, что его можно было бы принять и в капоте, сославшись на нездоровье.

И однажды вечером Лина сказала Вики:

– Биркин, верно, неожиданно уехал из Петербурга куда-нибудь...

Варенцов вдруг вспыхнул.

– Не уезжал, Лина... Я его вчера еще встретил на улице.

– И вы разговаривали?

– Он сделал вид, что не узнал меня...

– Конечно, в самом деле не узнал?

– Конечно, в самом деле отвернулся, Лина... Я думал, что он умней! – прибавил со злобным чувством Варенцов. – Надеюсь, ты не очень жалеешь, что он больше не благоволит к нам?

– Какая скотина! – вспылила Лина.

И тотчас прибавила:

– Точно он не знает тебя, милый!

Варенцов пожал плечами и презрительно промолвил:

– Верно, считает себя солью земли, потому что что-то болтает и чему-то сочувствует.

И снова вспыхнул, вспомнив оскорбительную для него встречу с Биркиным, о которой он не сказал вчера жене и которая напомнила Варенцову, что и он «чему-то» сочувствовал и даже об этом читал реферат.

«А теперь какой реферат!?» – подумал он.

– Я не думала, что Биркин так груб... Разумеется... мы незнакомы... И кузиночка Вава хороша! Вот дура!..

– А что?

– Пришла... Все осматривала. Злилась оттого, что она не может так жить... Ее-то друг, – я знаю, какой друг этот прихват-доцент, с которым она всюду! – проповедует акриды и мед, и она, как попугай, за ним... «Ах, Лина, какая ты стала буржуазка... Ты совсем изменилась... Вместе со своим Вики вы, говорит, изменили своим честным взглядам»... Ну, я без церемоний и назвала ее дурой... Надеюсь, она больше ни ногой.

– Потеря невелика! – усмехнулся Варенцов.

– Еще бы! Я прежде думала, что она хоть и дура, но все-таки добрая... А выходит – и злая и... развратная... Удивляюсь, какой осел ее муж... Кажется, доволен своим менажем a trois... Воображаю, что станет она врать на нас...

Варенцов задумался и через минуту проговорил:

– Знаешь ли что я тебе скажу, Лина?

– Что, милый?

– Надо нам вообще быть осторожнее в знакомствах... Все-таки положение! Не следует компрометировать себя человеку, который... – ты понимаешь, Лина? – который может быть со временем государственным человеком и сделать что-нибудь хорошее для России!.. – не без апломба проговорил Варенцов.

– Умница! – восторженно проговорила Лина.

В эту минуту горничная подала Варенцову письмо.

Он взглянул на почерк и сказал:

– От отца.

– Откуда?

– Городское...

– Отчего же он не пришел к сыну?.. Хорош отец!

Варенцов прочел письмо и, передавая его жене, смущенно промолвил:

– Читай, Лина.

Лина прочла необыкновенно грустное письмо ех-профессора... Он писал, между прочим, что не может пока пови-даться с ним... а почему?.. Виктор, верно, догадается.

«Я все-таки думаю, – прибавлял отец, – что твоя жена – главная виновница в том, что ты служишь делу, которому не веришь, и будешь равнодушен к правым и виновным».

– Хорош отец!.. – озлобленно проговорила Лина.

– Удивляюсь, что еще не ругается... Он-то что делал и

какому именно делу служил?.. – сказал Варенцов.

– Только разорил семью и... давно отшатнулся от тебя, вики...

– Да... Неосновательный и беспутный человек, не понимающий, что у нас иные задачи и мы живем в другие времена! – высокомерно промолвил Варенцов.

– Эгоист твой отец, вот что!.. И смеет думать, что я могу влиять на тебя... Да разве это не вздор, милый?..

И Лина обняла Вики и напомнила, что они сегодня вечером едут на журфикс к директору департамента.

1902